

ЭПОХА БРЕЖНЕВА В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Альберт Каишфуллович Байбурин

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
abaiburin@yandex.ru

Катриона Келли

Оксфордский университет

Холивелл-стрит, ОХ1 3ВН, Оксфорд, Великобритания
catriona.kelly@new.ox.ac.uk

Аннотация: Статья предваряет подборку материалов конференции, которая прошла в Европейском университете в Санкт-Петербурге в 2016 г. и называлась «Период застоя? Эпоха Брежнева 35 лет спустя». Описания особенностей этого времени постоянно эволюционировали в каждой из представленных на конференции областей знания (история культуры и литературы, социология, киноведение, антропология). «Застой» оказался весьма динамичным явлением, насыщенным различными, порой противоречивыми процессами. Антропологи обратились к изучению этого своеобразного периода позже историков, социологов и политологов. Между тем антропологические исследования позволяют выявить многие черты своеобразия культуры этого времени, о чем свидетельствуют статьи этой подборки.

Ключевые слова: эпоха Брежнева, низовые движения, рыночная экономика, религиозные сообщества, советское общество, государственные установления.

Для ссылок: Байбурин А., Келли К. Эпоха Брежнева в антропологической ретроспективе // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 11–19.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-37-11-19

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/037/baiburin_kelly.pdf

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2018, NO. 37

THE BREZHNEV ERA IN ANTHROPOLOGICAL RETROSPECTIVE

Albert Baiburin

European University at St Petersburg

6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
abaiburin@yandex.ru

Catriona Kelly

New College, University of Oxford

Holywell Str., OX1 3BN, Oxford, UK

catriona.kelly@new.ox.ac.uk

Abstract: This article introduces materials from a conference held at the European University, St Petersburg, in 2016, “Period of Stagnation? The Brezhnev Era 35 Years On”. In all of the disciplines represented at the conference (literary and cultural history, sociology, film studies, anthropology), there has been a significant re-evaluation of this historical period in recent years. Rather than “stagnation”, it is now understood as characterised by dynamism and by diverse and in many ways contradictory developments. Anthropology has been a relatively late arrival to the scene compared with history, sociology, and political science, but has an important vantage point in terms of the interpretation of many specific features of the culture of the 1960s — early 1980s.

One such specific feature was the proliferation of civic initiatives, including the “pathfinder” movement (*sledopyty*), local history and “local studies” (*kraevedenie*), the veterans’ movements and so on. While subject to a significant level of state control, they also gave at least limited autonomy to rank-and-file members. In the case of the “pathfinders”, local activists received delegated authority for the shaping of memories of the War from the state, but, as Ekaterina Melnikova shows, over time, their contribution to the memory project moved a significant distance from the norms posited in government instructions.

The activation of grassroots movements was combined at this period with increasing interest in the principles of market economics, despite their dissonance with the prevailing ideals of Soviet culture as radically distinctive from that of “capitalist countries” (*kapstrany*). As Sergei Alymov’s article shows, this hiatus calls into question the conventional understanding of marketisation in the early 1990s as a profound departure from late Soviet ideology and practice.

If Alymov’s article is concerned with conflicts within official ideology, and Melnikova’s with the adjustment of top-down instructions in civic organisations, Alfrid Bustanov’s discussion highlights the efforts of individual community groups and

subcultures to accommodate official ideology, showing how translators and interpreters of the Koran tried to prove that the moral guidance in the text was not anti-Communist and to demonstrate that Islam was compatible with the findings of “progressive science”.

The unifying motif of all the articles is their focus on the perception by different strata of Soviet society of their place in the political and social culture of their time and their analysis of views of official politics and ideology at a broad social level.

Key words: Brezhnev era, grassroots movements, ideology, market economics, religious communities, Soviet society, state control.

To cite: Baiburin A., Kelly C., ‘Epokha Brezhneva v antropologicheskoy retrospektive’ [The Brezhnev Era in Anthropological Retrospective], *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 37, pp. 11–19.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-37-11-19

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/037/baiburin_kelly.pdf

Альберт Байбурин, Катриона Келли

Эпоха Брежнева в антропологической ретроспективе

Статья предваряет подборку материалов конференции, которая прошла в Европейском университете в Санкт-Петербурге в 2016 г. и называлась «Период застоя? Эпоха Брежнева 35 лет спустя». Описания особенностей этого времени постоянно эволюционировали в каждой из представленных на конференции областей знания (история культуры и литературы, социология, киноведение, антропология). «Застой» оказался весьма динамичным явлением, насыщенным различными, порой противоречивыми процессами. Антропологи обратились к изучению этого своеобразного периода позже историков, социологов и политологов. Между тем антропологические исследования позволяют выявить многие черты своеобразия культуры этого времени, о чем свидетельствуют статьи этой подборки.

Ключевые слова: эпоха Брежнева, низовые движения, рыночная экономика, религиозные сообщества, советское общество, государственные установления.

На фоне взрывных преобразований хрущевского времени период правления Л.И. Брежнева производил стойкое впечатление стагнации, и неслучайно так кстати пришлось определение «застой» со всеми присущими ему негативными ассоциациями. Такое определение, казалось бы, вполне адекватно отражало характер этого времени. Однако, по словам Г. Кертмана, уже «в первые постперестроечные годы статус эпохи “развитого социализма” в российском массовом сознании претерпевал <...> радикальные и стремительные изменения: “проклятое прошлое” на глазах превращалось в “доброе старое время”. Причины этой эволюции очевидны и общеизвестны: обвальное снижение жизненного уровня населения, экономическая и политическая нестабильность, нормативная неопределенность, лавинообразный поток институциональных инноваций, безответственность элит, социальный инфантилизм граждан, неуклюжий радикализм властей» [Кертман 2007: 5]. Контрастность оценок брежневского времени в последующие годы получила новые оттенки, детализировалась, но принципиально не менялась.

Альберт Кашфуллович Байбурин

Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Музей антропологии
и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
abaiburin@yandex.ru

Катриона Келли (Catriona Kelly)

Оксфордский университет,
Оксфорд, Великобритания
catriona.kelly@new.ox.ac.uk

Для исследователей брежневской эпохи (историков, социологов, экономистов) в большей степени характерно критическое

отношение к однозначным определениям. Естественно, результаты во многом зависят от применяемой оптики. Общий план мог вызывать однозначные определения (вроде «упадка» или «стабильности»), но при детальной фокусировке картина получалась более сложная. «Застой» оказался наполненным многими процессами, некоторые из которых если и возникли раньше, то проявили себя в полной мере именно в данный период. Достаточно вспомнить расцвет в это время различных форм инакомыслия: расширение диссидентского движения, «второй культуры» (андеграунда), появление «самиздата», усиление «разномыслия» в социальных науках и т.д.¹ Исследования, развернувшиеся в 2000-е гг. (когда появилась минимально необходимая дистанция), привели к тому, что стало уже привычным определять это время как эпоху, сотканную из противоречий, время, в котором движение причудливым образом сочетается со статикой, а достижения — с упадком [Hanson 2006].

Конференция, которая прошла в 2016 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге, называлась «Период застоя? Эпоха Брежнева 35 лет спустя». Пожалуй, особую смысловую нагрузку в этом названии несет вопросительный знак, поскольку он относится не только к «застою», но и ко всем устоявшимся стереотипам в отношении этого времени. В конференции принимали участие антропологи, социологи, историки культуры и литературы, киноведы. Обсуждались особенности официальной политики этой эпохи, изменения советской идентичности, вопросы повседневного быта, отношение к культурному наследию и исторической памяти, экспликации различных реалий времени в литературе и кино и др. Заинтересованные дискуссии, касавшиеся этого круга сюжетов, позволили не только выявить недостаточно исследованные прежде реалии брежневской поры, но и, что не менее важно, сформулировать новые вопросы.

В нашей небольшой подборке публикуются статьи, которые имеют преимущественно антропологическую направленность². Такие исследования представлены в научном поле в гораздо меньшей степени, чем работы историков, политологов или социологов. Между тем именно антропологические исследования, сфокусированные на особенностях культурных

¹ См., например: [Rosenfeld, Norton 1995; Алексеева 2001; Савицкий 2002; Даниэль 2005; Фирсов 2008; 2012] и др.

² «Период застоя? Эпоха Брежнева 35 лет спустя», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 23–24 сентября 2016 г. <<https://eu.spb.ru/news/16923-period-zastoya-epokha-brezhneva-35-let-sputya>>. Другие материалы конференции (статьи Константина Богданова, Катрионы Келли, Жанны Корминой и Кристин Эванс) публикуются в журнале «Новое литературное обозрение».

процессов позднесоветского времени, могут существенно уточнить если не всю картину той эпохи, то значимые ее фрагменты¹.

Характерным для брежневского времени является пробуждение и распространение низовых инициатив (разумеется, тех, которые оказывались в русле «генеральной линии»). В частности, возникают такие интересные явления, как поисковое движение следопытов, которому посвящена статья Екатерины Мельниковой. Это движение обычно рассматривается в общем контексте так называемого патриотического воспитания молодежи, как один из результатов политического управления. Память о войне должна была стать важнейшей скрепой общества. Эта политика развивалась в двух версиях — «героизирующей» (с ключевой ролью государства) и «романтизирующей» (представляющей главным образом взгляды самих участников движения). Автор ставит своей целью показать, что отношения между государственными институциями и следопытами вовсе не сводились к отношениям между властью и исполнителями.

Такой взгляд на характер следопытского движения актуализирует проблематику низовых инициатив, возникших раньше, но получивших государственную поддержку в 1960–1970-е гг. К их числу относятся не только поисковое движение, но и краеведение, охрана памятников, ветеранское движение и др. Все они находились в непростых отношениях с государственными структурами. Их развитие вряд ли можно интерпретировать как результат целенаправленных действий «сверху» или «снизу». Вероятно, они стали возможными именно в такой сцепке, что указывает на возникновение особой стилистики отношений между двумя основными акторами («государством» и «населением») и, соответственно, особой атмосферы брежневского времени.

Автор приходит к заключению, что «[и]стория следопытского движения, как и многих других форм социальной мобилизации брежневского периода, была связана с целым рядом противоречий. Общесоюзные кампании по увековечиванию памяти о войне делали ставку на гражданские инициативы, делегируя коммеморативные функции местным активистам, а не создавая государственные институты памяти, подобные тем, что существовали в Европе и США <...> Следопыты становились не только *vox populi*, но еще и *manus populi* — руками народа, создающего собственную память о прошлом, приобретающую, таким образом, легитимность и способную стать

¹ См., например: [Богданов 2001; Бойм 2002; Хархордин 2002; Утехин 2004; Kelly 2007; Юрчак 2014; Абашин 2015; Майофис и др. 2015; Иванова 2018] и др.

основой национальной идеи». Можно сказать, что государство делегировало «вниз» память о войне и следопыты вынуждены были иметь дело не столько с памятью, сколько с «беспамятством». Память и забвение становятся основными категориями эпохи не только для участников движения. В результате постепенно нарастающего несоответствия между устремлениями поисковиков и государственной политики памяти они все больше отдалялись от государственных установлений, что хорошо заметно на постсоветском характере этого движения.

Актуализация низовых движений сочеталась с нарастающим разномыслием в кругах советской интеллигенции, может быть, наиболее ярко проявившимся в научной сфере. Взглядам философов и экономистов на советскую личность в 1960–1980-е гг. посвящена статья Сергея Алымова. Нужно сказать, что этот период характеризуется новым витком внимания к понятию «советский человек». Если в 1920–1930-х гг. человек должен был принципиально перекроить себя и освоить предписанные ему сверху схемы поведения и систему ценностей, то в 1960–1980-е гг. таких потрясений он явно не испытывал. Тем не менее изменения происходили, но теперь они затрагивали некие глубинные аспекты советской субъективности, которые не могли не заинтересовать представителей разных научных дисциплин. Автор задается целью проследить зарождение и становление моделей экономической активности советских людей, которые так ярко проявились в эпоху рыночных реформ 1990-х гг. Собственно, практики потребления и предпринимательства, выходящие за рамки существовавших предписаний, получили большое распространение в брежневское время [Kushkova 2017; Иванова 2018]. Деятельность «рыночников» была хорошо знакома многим. Однако вопросы, связанные с тем, насколько идеи рыночной экономики согласуются с разрабатывавшимися в брежневское время нормативными концепциями о природе советского человека, требуют прояснения. При этом понятие неолиберализма трактуется в антропологическом ключе, т.е. так или иначе замыкается на человеке, его индивидуальных качествах и устремлениях. Рассмотрев концепции советских философов и экономистов консервативного и либерального толков, Алымов приходит к выводу, что советский вариант «неолиберальной субъективности» зародился в позднесоветское время. Этот вывод позволяет пересмотреть тезис о кардинальном разрыве между рыночными процессами 1990-х гг. и позднесоветской идеологией.

Идеологии различных сообществ брежневской эпохи самым причудливым образом сочетались с официальной нормативной идеологией. Ярким примером такого сочетания является религиозная сфера, законсервированность которой обычно

преувеличивается. Между тем представители различных конфессий, действовавших на территории СССР, так или иначе реагировали на изменения в светской жизни и происходившие в связи с ними события. Своего рода диффузия исламской и официальной советской идеологии стала предметом исследования Альфрида Бустанова в последней статье подборки. В частности, речь идет о попытках прочтения и перевода Корана на советский лад. По утверждению Мутыгуллы Сунгатуллиной, одного из переводчиков Корана, в переводах на национальные языки он был сознательно искажен представителями буржуазии с целью наживы и одурманивания масс. Настоящий Коран (на арабском языке) не содержит этого обмана, а его правильный перевод и толкование носят антирелигиозный характер. Другой истолкователь ислама, Фатхелкадыр Бабиш, считал, что «ислам не противоречит коммунистической идеологии и прогрессивной науке, а, напротив, является фундаментом идеального социального устройства». В стремлении показать «истинный» ислам Габделбари Исаев ссылается на события советской космонавтики для демонстрации отсутствия противоречий между исламом и достижениями в области науки и передовых технологий. Подобные попытки примирить реалии брежневской поры с «настоящим» исламом ожидаемым образом наталкивались на официальные ограничения антирелигиозной традиции, однако даже само их наличие свидетельствует о том брожении, которое распространилось на самые консервативные сферы советской жизни.

Представленные статьи затрагивают, казалось бы, далекие друг от друга сферы жизни брежневской эпохи: эволюция гражданских инициатив в деле сохранения памяти о войне, представления советских философов и экономистов о природе человека времени «развитого социализма», попытки приспособления религиозных верований к социалистической идеологии. Вместе с тем их объединяет то, что в них находят свое выражение взгляды представителей разных слоев позднесоветского общества («следопытов», ученых, верующих) на свое место в этом обществе и отношение к официальной политике и идеологии.

Библиография

- Абашиш С.* Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией. М.: НЛО, 2015. 848 с.
- Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР: новейший период. М.: РИЦ «Защита», 2001. 382 с.
- Богданов К.* Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство, 2001. 437 с.

- Бойм С.* Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: НЛО, 2002. 320 с.
- Даниэль А.* Истоки и смысл советского самиздата // Антология самиздата: неподцензурная литература в СССР, 1950-е — 1980-е: В 3 т. М.: Междунар. ин-т гуманитарно-политических исследований, 2005. Т. 1. Кн. 1: до 1966 года. С. 17–33.
- Иванова А.* Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. 2-е изд. М.: НЛО, 2018. 304 с.
- Кертман Г.* Эпоха Брежнева — в дымке настоящего // Социальная реальность. 2007. № 2. С. 5–22.
- Майофис М., Кукулин И., Сафронов П.* (ред. и сост.). Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М.: НЛО, 2015. 720 с.
- Савицкий С.* Андеграунд: история и мифы ленинградской неофициальной литературы. М.: НЛО, 2002. 224 с.
- Утехин И.* Очерки коммунального быта. 2-е изд. М.: ОГИ, 2004. 277 с.
- Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР, 1940–1960-е годы: история, теории и практики. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 544 с.
- Фирсов Б.М.* История советской социологии: 1950–1980-е годы: Очерки. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. 476 с.
- Хархордин О.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002. 511 с.
- Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 604 с.
- Hanson S.E.* The Brezhnev Era // The Cambridge History of Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Vol. 3: Suny R.G. (ed.). The Twentieth Century. P. 292–315.
- Kelly C.* Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. New Haven; L.: Yale University Press, 2007. 714 p.
- Kushkova A.* Navigating the Planned Economy: Accommodation and Survival in Moscow's Post-War "Soviet Jewish Pale": PhD Diss. / University of North Carolina. Chapel Hill, 2017. 401 p.
- Rosenfeld A., Norton T.D.* (eds.). Nonconformist Art: The Soviet Experience 1956–1986. L.; N.Y.: Thames and Hudson, 1995. 360 p.

The Brezhnev Era in Anthropological Retrospective

Albert Baiburin

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
abaiburin@yandex.ru

Catriona Kelly

New College, University of Oxford
Holywell Str., OX1 3BN, Oxford, UK
catriona.kelly@new.ox.ac.uk

This article introduces materials from a conference held at the European University, St Petersburg, in 2016, “Period of Stagnation? The Brezhnev Era 35 Years On”. In all of the disciplines represented at the conference (literary and cultural history, sociology, film studies, anthropology), there has been a significant re-evaluation of this historical period in recent years. Rather than “stagnation”, it is now understood as characterised by dynamism and by diverse and in many ways contradictory developments. Anthropology has been a relatively late arrival to the scene compared with history, sociology, and political science, but has an important vantage point in terms of the interpretation of many specific features of the culture of the 1960s — early 1980s.

One such specific feature was the proliferation of civic initiatives, including the “pathfinder” movement (*sledopyty*), local history and “local studies” (*kraevedenie*), the veterans’ movements and so on. While subject to a significant level of state control, they also gave at least limited autonomy to rank-and-file members. In the case of the “pathfinders”, local activists received delegated authority for the shaping of memories of the War from the state, but, as Ekaterina Melnikova shows, over time, their contribution to the memory project moved a significant distance from the norms posited in government instructions.

The activation of grassroots movements was combined at this period with increasing interest in the principles of market economics, despite their dissonance with the prevailing ideals of Soviet culture as radically distinctive from that of “capitalist countries” (*kapstrany*). As Sergei Alymov’s article shows, this hiatus calls into question the conventional understanding of marketisation in the early 1990s as a profound departure from late Soviet ideology and practice.

If Alymov's article is concerned with conflicts within official ideology, and Melnikova's with the adjustment of top-down instructions in civic organisations, Alfrid Bustanov's discussion highlights the efforts of individual community groups and subcultures to accommodate official ideology, showing how translators and interpreters of the Koran tried to prove that the moral guidance in the text was not anti-Communist and to demonstrate that Islam was compatible with the findings of "progressive science".

The unifying motif of all the articles is their focus on the perception by different strata of Soviet society of their place in the political and social culture of their time and their analysis of views of official politics and ideology at a broad social level.

Keywords: Brezhnev era, grassroots movements, ideology, market economics, religious communities, Soviet society, state control.

References

- Abashin S., *Sovetskiy kishlak: mezhdru kolonializmom i modernizatsiey* [The Soviet kishlak: Between Colonialism and Modernisation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 848 pp. (In Russian).
- Alekseeva L. M., *Istoriya inakomyслиya v SSSR: noveyshiy period* [A History of Alternative Thinking in the Postwar USSR]. Moscow: Zatsepa, 2001, 382 pp. (In Russian).
- Bogdanov K., *Povsednevnost i mifologiya: issledovaniya po semiotike folklornoy deystvitel'nosti* [Everyday Life and Mythology: Studies of the Semiotics of Contemporary Folklore]. St Petersburg: Iskusstvo, 2001, 437 pp. (In Russian).
- Boym S., *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994, xii, 356 pp.
- Daniel A., 'Istoki i smysl sovetskogo samizdata' [Sources and Meanings of Soviet Samizdat], *Antologiya samizdata: nepodtsenzurnaya literatura v SSSR, 1950-e — 1980-e* [An Anthology of Samizdat: Underground Literature in the USSR, 1950s–1980s]: In 3 vols. Moscow: Institute for Humanities and Political Studies Press, 2005, vol. 1, book 1: *do 1966 goda* [Up to 1966], pp. 17–33. (In Russian).
- Firsov B. M., *Raznomyслиe v SSSR, 1940–1960-e gody: istoriya, teorii i praktiki* [Alternative Thinking in the USSR: History, Theory, and Practice]. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2008, 544 pp. (In Russian).
- Firsov B. M., *Istoriya sovetskoy sotsiologii: 1950–1980-e gody* [The History of Sociology, 1950s–1980s]: Sketches. 2nd ed. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 476 pp. (In Russian).
- Hanson S. E., 'The Brezhnev Era', *The Cambridge History of Russia. Cambridge University Press*, 2006, vol. 3: Suny R. G. (ed.), *The Twentieth Century*, pp. 292–315.
- Ivanova A., *Magaziny "Berezka": paradoksy potrebleniya v pozdnem SSSR* [The Beryozka Shop: The Paradoxes of Consumption in the Final

- Years of the Soviet Union]. 2nd ed. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, 304 pp. (In Russian).
- Kelly C., *Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991*. New Haven; London: Yale University Press, 2007, 714 pp.
- Kertman G., 'Epokha Brezhneva — v dymke nastoyashchego' [The Brezhnev Era through the Mists of the Present Day], *Sotsialnaya realnost*, 2007, no. 2, pp. 5–22. (In Russian).
- Kharkhordin O., *Oblichat i litsemerit: genealogiya rossiyskoy lichnosti* [To Expose and Dissemble: A Genealogy of the Russian Personality]. St Petersburg; Moscow: European University at St Petersburg Press; Letniy sad, 2002, 511 pp. (In Russian).
- Kushkova A., *Navigating the Planned Economy: Accommodation and Survival in Moscow's Post-War "Soviet Jewish Pale"*: PhD Diss., University of North Carolina. Chapel Hill, 2017, 401 pp.
- Mayofis M., Kukulini I., Safronov P. (eds.), *Ostrova utopii: pedagogicheskoe i sotsialnoe proektirovanie poslevoennoy shkoły (1940–1980-e)* [Islands of Utopia: Pedagogical and Social Planning in the Postwar Soviet School, 1940s–1980s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 720 pp. (In Russian).
- Rosenfeld A., Norton T. D. (eds.), *Nonconformist Art: The Soviet Experience 1956–1986*. London; New York: Thames and Hudson, 1995, 360 pp.
- Savitskiy S., *Andegraund: istoriya i mify leningradskoy neofitsialnoy literatury* [Underground: The History and Myths of the Leningrad Unofficial Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002, 224 pp. (In Russian).
- Utekhin I., *Ocherki kommunalnogo byta* [Sketches of Communal Life]. 2nd ed. Moscow: OGI, 2004, 277 pp. (In Russian).
- Yurchak A., *Everything Was Forever, until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2005, 332 pp.